

“Дорогое правительство”

Требование «дешевого правительства» выдвигалось революционным движением самых различных времен. Оно было соблазнительным и понятным широкой народной массой, которая страдала не только от собственных лишений, но и от лицемерия расточительности командующих верхов.

Тонкий знаток великих соблазнов, Ленин воспользовался с самого начала революции выдвинуть и этот мотив «дешевого правительства», которое принесет с собою большевизм. — «Громадное большинство крестьян, — писал он, — во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство, угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет «дешевого» правительства. Осуществить это может только пролетариат». (Ленин. Государство и революция. — Собр. соч., т. XIV, стр. 392).

При этом Ленин увлекательно описывал, как это «дешевое правительство» упразднит «чиновничество и постоянную армию, эти — паразиты на телье буржуазного общества» и намечал «ближайшей целью» освобождение от бюрократии всего хозяйственного и административного механизма страны, который «вполнѣ могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу всех их, как и вообще государственных чиновников, заработную плату рабочих».

Ленин и советские экономисты с увлечением развешивали перед народом скатерть-самобранку, и на ней появлялись безчисленные яства, которые до сих пор поѣдали царский дом, армия, бюрократия, буржуазия, помещики и т. д., а нынѣ, с упразднением всех этих «паразитов на буржуазном обществе», все это потечет в рот народа.

Такую задачу, как ближайшую цель, ставил Ленин уже в самом начале русской революции. Но прошло десять лет, и тот же вопрос о дешевом правительстве пришлось поднять Сталину в своем докладе, сдѣланном 13 апреля 1926 года активу Ленинград-

ской організації. Но какая перемена декорації! И в этом докладѣ говорится о расточительности, дороговизнѣ правительственнаго аппарата, о паразитах и т. д., но уже в примѣненіи не к дореволюціонному буржуазному, а к послѣоктябрьскому коммунистическому строю, который один только, по словам Ленина, всё эти явления хочет и может устранить.

«Необходимо — говорил в этом докладѣ Сталин — сократить и упростить, удешевить и оздоровить наш государственный и кооперативный аппарат, наши наркоматныя и хозяйственныя учрежденія снизу доверху. Раздутые штаты *и безпримѣрная прожорливость наших управляющих органов стали притчей во языцех*. Недаром Ленин твердил десятки и сотни раз, что рабочіе и крестьяне не выдержат громоздкости и дороговизны нашего государственнаго аппарата, что нужно его сократить и удешевить во что бы то ни стало, всѣми путями, всѣми средствами». (I. Сталин. О хозяйственном положеніи Совѣтскаго Союза. М. 1926, стр. 16).

Сталин тут же приводит примѣры расточительности и прожорливости совѣтскаго бюрократическаго аппарата. Заготовка одного пуда хлѣба должна обходиться в 8 коп., а на самом дѣлѣ обходится в 13 коп., т. е. на 5 коп. с пуда больше. Почему?

А потому, отвѣчает I. Сталин, что «каждый болѣе или менѣе самостоятельный работник по заготовкѣ раньше, чѣм приняться за заготовку хлѣба, находит нужным раздуть штат своих работников, обзаводиться арміей стенографисток и машинисток, обзаводиться обязательно автомобилем, *нагромождает кучу произвольных расходов*. Если считать, что мы заготавливаем сотни милліонов пудов, а на каждом пудѣ переначиваем пять копеек, то *получатся десятки милліонов впустую истраченных денег*. Вот куда идут и будут еще идти накапливаемые нами средства, если мы не примем строжайших мѣр против прожорливости нашего государственнаго аппарата». (Н. ст. 17).

Стоит сопоставить слова Ленина, сказанныя в началѣ революціи о грядущем дешевом совѣтском правительствѣ, со словами, сказанными I. Сталиным, через 10 лѣт о пришедшем расточительном и прожорливом, употребляя его слова, дорогим совѣтском государственном аппаратѣ, чтобы составить себѣ общее представленіе о том, в какую сторону эволюціонировал вопрос о дешевом

правительствѣ. Если в началѣ революціи Ленин обѣщал покончить со всяким бюрократизмом и создать дешевое правительство, то через десять лѣтъ Сталин вынужден был признать, что чудовищный бюрократизм и неимовѣрная расточительность правительственного механизма стали «притчей во языцѣх» в совѣтском государствѣ.

Этот процесс бюрократизма и, так сказать, дороговизны совѣтскаго государства развивался с нарастающей быстротою, все шире распространяясь и все глубже проникая в хозяйственную и политическую жизнь страны.

Совѣтскій бюрократизм и с ним неразрывно связанная дороговизна правительственного аппарата становятся одною из характернѣйших черт совѣтскаго строя. Бюрократизм разрастается численно, достигая невиданной ни в одном государствѣ численности и во много раз превышая численность бюрократіи царской Россіи. Параллельно с этим количественным ростом бюрократіи поднимается и ея удѣльный вѣс в политической жизни страны. В этом ростѣ числа и вѣса бюрократіи Л. Троцкій видит одно из преступленій, измѣну революціи со стороны Сталина.

Но на самом дѣлѣ этот рост бюрократизаціи неразрывно связан со вѣм совѣтским строем и, если бы Сталин находился в Мексикѣ, а Троцкій в Кремлѣ, то этот процесс чрезвычайнаго вздорожанія правительства продолжался бы так же, как и теперь.

Прежде всего совѣтскій строй, с его плановым хозяйством, централизаціей всей хозяйственной жизни в руках государства, сам по себѣ требует содержанія огромной бюрократической арміи. Надо со всей страны собирать свѣдѣнія по вѣм отраслям хозяйства, перерабатывать их по опредѣленным формам и отсылать в центр. В центрѣ надо эти свѣдѣнія, плывущія со вѣх концов Россіи, изучать, сводить в одно и составлять общій план и разсылать его на мѣста. На мѣстах надо опять изучать эти планы и примѣнять их по отдѣльным отраслям. Надо слѣдить, регистрировать, как они исполняются, вновь составлять отчеты по исполненію и отсылать в центр и т. д. Все это само по себѣ нуждается в огромной работѣ, требующей множество всяческаго ранга и рода чиновников с их неисчислимыми штатами и колоссальными расходами по содержанію аппарата.

Таким образом, само по себѣ совѣтское хозяйство требует,

вопреки тому, что говорил Ленин, чрезвычайно многочисленной и дорого стоющей рати чиновников.

Но этим одним дѣло не ограничивается. Совѣтское государство проникнуто глубочайшим недовѣріем ко всему населенію и его работѣ, а населеніе платит тѣм же и не склонно слишком увлекаться работою «на казну».

При этих условіях государство, помимо обширнѣйших кадров чиновников, выполняющих часть хозяйственных функцій, вынуждено содержать не менѣе обширный штат чиновников, выполняющих в хозяйствѣ полицейскія функціи — надзора, понуканія, пресѣченія, привлеченія, наказанія, доносительства и т. д., и т. д.

В результатѣ за каждым движеніем трудящихся на фабрикѣх и в деревнѣ слѣдит недреманное око, которое это движеніе учитывает, подсчитывает, отображает, резюмирует, оцѣнивает, милует или карает. Удивительно-ли, что при таких условіях бюрократія в совѣтском государствѣ размножается с быстротою простѣйших организмов, все глубже вѣдаясь в хозяйственный организм страны и составляя все большее и большее слагаемое въ совѣтской экономикѣ. Совѣтское правительство, не желая раздражать ограниченный ум подданных слишком большими цифрами чиновничества, поступило в этом случаѣ столь же по-скалозубовски, как раньше в отношеніи индекса цѣн: — перестала публиковать относящіяся сюда цифры. Мы не имѣем поэтому официальных данных о численности совѣтской бюрократіи. Все же косвенныя данныя, которыми мы располагаем, позволяют опредѣлить численный состав совѣтскаго чиновничества примѣрно в 8-9 миліонов человек. В дореволюціонной Россіи насчитывалось, в общей сложности, примѣрно 800.000 чиновников. Таким образом, совѣтскій бюрократическій аппарат увеличился по сравненію с царским в десять раз.

Но важна не только количественная, но и качественная сторона. Совѣтская бюрократія неимоვნно выросла по сравненію с царской не только по своему количеству, но и своему вліянію, значенію, по важности и отвѣтственности тѣх функцій, которыя она выполняет не только в административной, но и в хозяйственной жизни страны. Совѣтская бюрократія проникла в самую сердцевину хозяйственной жизни, она ее закраивает своими канцеляр-

своими ножицами, ее предопредѣляет, направляет, руководит ею, контролирует, оцѣнивает.

Поэтому огромное значеніе имѣет не только численность самой бюрократіи, но и бюрократизація всей вообще хозяйственной жизни, вовлеченіе в бюрократическую работу и тѣх хозяйствующих субъектов, которые сами по себѣ выполняют не бюрократическую, а производительную работу, — рабочих, инженеров, крестьян и т. д. Этим самым бюрократія не только сама по себѣ представляет, с чисто хозяйственной стороны, непроизводительный элемент, но, кромѣ того, она отвлекает для чисто бюрократической работы огромную часть труда и времени производительных элементов и накладывает на всю хозяйственную дѣятельность свою канцелярскую печать медлительности, пониженной эффективности, придушенной инициативности.

Как классики клали в основу экономической жизни понятіе «экономическаго человѣка», так в основѣ совѣтскаго хозяйства лежит понятіе «бюрократическаго человѣка», с его боязнью отвѣстности, инициативы, преобладаніем канцелярской стороны над творческой, замедленными хозяйственными движеніями, сниженою производительностью. «Дороговизна» бюрократическаго правительства выражается поэтому не только в высокой оплатѣ самой бюрократіи, но и в сниженіи, под ея воздѣйствіем, производительности труда. Л. Каганович в своем докладѣ о вопросах хозяйственной организаціи, сдѣланном на XVII конгрессѣ коммунистической партіи, дал чрезвычайно яркую характеристику этой бюрократизаціи совѣтской хозяйственной жизни.

Вагоностроительный завод в Мытищах, иллюстрирует свою мысль Каганович, имѣет 14 секцій, в них занято 3832 служащих, что составляет 16% всего персонала завода.

В число этих секцій входят секція производства, секція подготовки к производству, главная механическая секція, секція технического контроля, секція плановая, секція кадр, секція контроля исполненія, секція бухгалтерская, секція коммерческая. Каждая из этих секцій распадается на под-секціи.

Так как, — продолжает Каганович, — каждая из этих секцій должна оправдать свое существованіе и жалованье, то она ставится возможно больше выпускать приказов, планов, отчетов, формуляров, которые дождем идут над заводом. Так, напримѣр,

механической отделе завода в течение одного января месяца получил 7000 различных предписаний. Весь этот поток бумаг отнимает безконечное время не только у пишущих, но и у инженеров, вынужденных знакомиться со всеми этими безконечными и часто противоречивыми приказами, осуществлять их, отвечать на них, заполнять всевозможные формуляры и ведомости. В итоге на вагоностроительном заводе в Мытищах из 56 инженеров цехов 36 инженеров работают в административных органах и лишь 19 инженеров на самом производстве.

Старый мастер этого завода, с которым беседовал Л. Каганович, фаталистически сказал:

— Тут ничего не подделаешь. Раз людям дали в руки карандаш, они уже будут писать, их не остановишь.

Нарисовав яркую картину, — мы ее приводим лишь в небольшом извлечении — бюрократизации вагоностроительного завода в Мытищах, Л. Каганович меланхолично заявляет: — И такие порядки и на других заводах!

Докладчик призывал к искоренению таких порядков. Но эти призывы повторяются непрерывно, периодически, при чем при каждом новом призыве к безопасному, «по большевистски», искоренению этого дорогого бюрократического управления, констатируется, что это зло разрослось в еще более чудовищном размахе и приняло еще более «дорогие» формы.

Если познакомиться с личным составом работающих на любом советском заводе, то прежде всего нам бросится в глаза непропорциональность отношения между числом служащих и числом рабочих завода: служащих непропорционально много по отношению к числу рабочих, не говоря уже о том, что и рабочие вынуждены выполнять часть канцелярской работы, отнимающей у них много времени.

На Сталинградском Тракторном заводе числится 3149 служащих, т. е. один служащий приходится на 4,2 рабочих, а в инструментальном цехе один служащий приходится на каждые 2,3 рабочих.

Завод разбит на цехи, и каждый цех считает необходимым завести свою собственную канцелярию со всеми ее должностями. Каждый начальник цеха копирует директора и непременно заводит личного секретаря, штат диктанта, бухгалтеров и т. д. В итоге

на заводѣ имѣется 100 личных секретарей и 1280 служащих, не считая контрольнаго аппарата.

На Тагилькомбинатѣ, как сообщала газета «За Индустриализацію», — насчитывалось 9 тысяч рабочих и 3800 служащих, в их числѣ начальников отдѣлов и их замѣстителей — 259 человекъ. «Не стройуправленіе, замѣчаетъ совѣтская газета, а — кабинет министров».

На шахтах, как сообщаетъ «Правда», большинство инженеров работает в аппаратѣ управленія. Так, напримѣр, на шахтѣ «Сталинуголь» из 343 инженеров 212 находятся в аппаратах управленія и лишь 131 человекъ на самом производствѣ.

На вседонецкой конференціи шахтеров-ударников в Сталинѣ, при обсужденіи вопроса о причинах плохой работы угольной промышленности, замѣститель управляющаго трестом Сталинуголь Костенко сообщил, что в трестѣ «все руководство построено на бумагѣ. Завѣдующіе шахтами и инженеры производству уделяютъ менѣе 40% времени, а остальное время уходило на всяческую переписку».

Газета «За Индустриализацію» даетъ такую характеристику бюрократизма на совѣтских заводах:

«Цѣлый Монбланъ отдѣлов в заводууправленіи, плеяда замѣстителей и помощников директоров даютъ предписанія и распоряженія, часто противорѣчивыя, начальнику цеха. В свою очередь, начальник цеха нерѣдко утопает в огромном бюрократическом аппаратѣ и вынужден лить большую долю времени отдавать руководству им, а не собственно производством. Возьмемъ к примѣру цвѣтную металлургію. Всѣмъ еще памятны уроки Прибалхашстроа. На строительствѣ были и инженеры, и консультанты, и порядочное количество всевозможныхъ завѣдующихъ и начальниковъ с замами и помами. Но за год «работы» было выстроено лишь нѣсколько строеній. Основная часть израсходованныхъ огромныхъ средствъ — 43 милл. рублей — была разбазарена, с'ѣдена аппаратомъ. Во многихъ отрасляхъ промышленности сплошь и рядомъ основныя техническія силы либо сосредоточены в трестах, управленческомъ аппаратѣ, занимаясь вмѣсто дѣла дѣлопроизводством, либо выполняютъ же канцелярскія функціи в аппаратѣ завода и даже цеха».

Время от времени на совѣтскихъ фабрикахъ производятъ, такъ называемыя, «фотографіи рабочаго дня». Заключаются онѣ в точ-

ной регистраціи времяпрепровожденія каждого мастера и рабочего. Результаты опубликовываются в экономической печати и служат очень цѣнным матеріалом для характеристики организаціи труда на совѣтских фабриках.

Эти фотографіи рабочего дня показали, напริมѣр, что на заводѣ имени Кирова мастера посвящают непосредственно труду всего 10-15% своего времени, остальное время уходит на совѣщанія, обсужденія и, как выражаются сами рабочіе, «на писанину», т. е. составленіе всяких отчетов, сводок, заполненіе вѣдомостей. Многіе мастера до 25% своего рабочего времени проводят на ежедневных совѣщаніях.

Много раз созывались спеціальныя комиссіи для борьбы с этим чудовищным бюрократизмом. Но результат всѣх этих комиссій был всегда один и тот же — дальнѣйшій рост бюрократизма. Ибо на ряду с этими комиссіями заседали комиссіи с иными цѣлями — борьбы с вредительством, борьбы с дефицитностью фабрик, борьбы за сниженіе себѣстоимости, борьбы за упорядоченіе отчетности и т. д., и т. д. И всѣ эти комиссіи порождали назначеніе новых видов контроля и отчетности, новых должностей. В результатѣ бюрократическіе штаты на фабриках и заводах еще больше разбухли, а новыя формы отчетности и контроля, в свою очередь, требовали сильнаго увеличенія служащих, так как и с существующими формами трудно справиться.

Отчетность, которую заставляют выполнять на совѣтских фабриках, чудовищна.

Газета «Правда» (7-го августа 1937 г.) произвела обследованіе этой отчетности и пришла в полное отчаяніе от одного ея вида.

— Из года в год — пишет она — эти отчеты становятся все об'емистѣе и об'емистѣе. В 1935 году, напрімѣр, отчет о дѣятельности кожевенно-обувных предприятий составлялся каждой фабрикой *по 24 формам с 15.000 показателями. В 1936 году он составлялся по 35 формам с 18125 показателями.*

Разосланная наркомфином инструкция по составленію этих отчетов занимает 142 страницы!

Этот бюрократическій потоп залил не только фабрики, но и сельское хозяйство. И на полях выросла огромная армія надзирающих, доносящих, планирующих, контролирующих, подгоняющих

щих, подсчитывающих, пишущих чиновников, которые с'бдают значительную часть крестьянскаго урожая. В особенности усилилась эта бюрократизація сельскаго хозяйства со времени насильственной коллективизаціи. Из центра направлены были в деревни цѣлыя полки всякаго званія служилых людей, которые рассыпались по російским полям.

Уже в 1931 году газета «Правда» (от 9 апрѣля) писала, что содержаніе колхозной администраціи «значительно превышает уплаченную колхозами сумму по сельско-хозяйственному налогу и страховкѣ, и что такая высокая цѣнность колхознаго аппарата бьет прежде всего по благосостоянію колхозных масс».

С той поры, однако, эта бюрократизація колхозов не только не смягчилась, но сильно разрослась.

Через два года «Соціалистическое Земледѣліе» вновь возвращается к этому вопросу:

«Разбухшіе обслуживающіе аппараты многих колхозов с'бдают значительное количество трудодней, тѣм самым снижая стоимость трудодня и доходы колхозников. В станицѣ Совѣтской на Сѣверном Кавказѣ на 446 ежедневно работающих колхозников приходится 364 административно-хозяйственных работников. В Ново-Павловских колхозах того же района, 35% трудодней падает на административно-хозяйственный аппарат».

При всѣх колхозах имѣется цѣлый штат служащих, выполняющих самыя фантастическія должности и с'бдающих множество «трудодней», вырабатываемых крестьянами, которые вынуждены отдавать их этому непроизводительному пришлому элементу.

Бывшій нарком земледѣлія Яковлев рассказывал, что объѣздив колхозы, он был поражен, видя как разрослась в деревнях армія чиновников, выполняющих невѣдомую работу.

«Мнѣ лично, — говорил он, — пришлось быть в рядѣ колхозов, гдѣ расходы на аппарат, на контору поднимаются чуть-ли не до того, что причитается за труд колхозникам».

По расчетам Яковлева эти расходы на содержаніе бюрократическаго элемента в колхозах поглощают от 13 до 18% всего дохода, идущаго в распоряженіе колхозникам.

Таким образом, в вопросѣ о дешевом и дорогом правительствѣ большевизм, как и во многих иных областях, превращается

в свою противоположность. Начав с обѣщанія упразднить армію и бюрократію и создать дешевое правительство, он пришел к созданію огромной арміи и бюрократических кадров, равных которым не имѣло ни царское правительство, ни любое буржуазное правительство. В совѣтском хозяйствѣ, в его расходной части бюрократія составляет очень крупную величину, и она входит одним из крупнѣйших слагаемых в себѣстоимость, в издержки производства совѣтских товаров.

Когда-то К. Маркс писал, что понятія цѣны, заработной платы, прибыли и т. д. выражают не физическія и не химическія, а социальныя свойства товаров, общественныя отношенія людей в процессѣ производства. Если мы теперь возьмем товар совѣтскаго и буржуазнаго производства и подвергнем его социальному, количественному и качественному анализу, то мы обнаружим неожиданныя и прелюбопытныя вещи.

В социалистическом хозяйствѣ доля рабочаго, выражающаяся в его заработной платѣ, должна пропорціонально представлять значительно большую часть себѣстоимости товара и его цѣны, чѣм доля рабочаго в товарѣ буржуазнаго хозяйства. Лассаль даже считал, что в социалистическом хозяйствѣ и вообще не будет существовать так наз. «прибавочной цѣнности», что рабочій будет получать «полный продукт труда», т. е. его заработная плата и будет цѣликом опредѣлять себѣстоимость товара.

Карл Маркс в это лассалевское утверженіе внес много скептических поправок: и в социалистическом обществѣ часть цѣнности, вырабатываемой рабочими должна будет идти на содержаніе школ, больниц, городского и сельскаго благоустройства и т. д., часть же должна будет обратиться на дальнѣйшее расширеніе и улучшеніе производства. Так что и в социалистическом хозяйствѣ не обойтись без того, чтобы часть цѣнности, вырабатываемой рабочими, поступала не им.

Однако, внѣ спора и сомнѣнія было то, что в социалистическом обществѣ в себѣстоимости продуктов львиная доля должна принадлежать заработной платѣ, и доля эта, конечно, должна быть во много раз больше, чѣм в капиталистическом хозяйствѣ. В Россіи, с уничтоженіем капиталистов, торговцев, финансистов, помещиков, вся та прибыль, проценты за капитал, рента, которую получали уничтоженные классы, теперь выпала из себѣстоимости и

должна быть возмѣщена ростом доли, приходящейся на заработную плату.

Но если мы обратимся к совѣтской экономикѣ, то встрѣтимся с явленіем как раз противоположным.

В европейской промышленности доля заработной платы в себѣстоимости продукта или товара сильно колеблется в зависимости от отрасли производства. Она равняется 66% себѣстоимости угля, 33% себѣстоимости издѣлій стекольной промышленности, 30% себѣстоимости текстильных издѣлій.

Совершенно инныя цифры встрѣчаем мы в совѣтской промышленности.

В февралѣ 1936 года происходил с'ѣзд станкостроителей. В своем докладѣ представительница завода «Колибр» заявила: «Многіе думают, что высокіе заработки сказываются на себѣстоимости наших издѣлій. Неправильно это. Я хочу проиллюстрировать, из чего складывается себѣстоимость наших издѣлій, и вы увидите, *какой маленькій удѣльный вѣс в себѣстоимости занимает зарплата.*

Вот рѣзбовое кольцо діаметром 27. Таких колец я могу нарѣзать в мѣсяц штук 250. Себѣстоимость кольца — 106 рублей. Полуфабрикат и револьверная обработка стоят 6 рублей. *Заработная плата рабочих по всем операциям — 16 рублей.* Итого — 22 руб. *Накладные же расходы составляют... 84 руб.* Между прочим, это характерно не только для нашего завода. Прокалькулируйте себѣстоимость на своих заводах и вы увидите, что накладные расходы у вас не ниже, чѣм у нас».

И присутствовавшіе на этом совѣщаніи представители других заводов подтвердили, что накладные расходы на отдѣльных предпріятіях составляют 400-900% остальной части себѣстоимости! («За Индустриализацію», 22 февраля 1936 г.).

Московский завод «Красный пролетарій» вырабатывает станки типа «Дим». Вот из чего складывается себѣстоимость этого станка:

Матеріалы — 4510 руб., заработная плата — 1597 руб., цеховые расходы — 5268 руб., общезаводскіе расходы — 1648 руб., потеря из-за брака — 953 руб. Таким образом, в общую себѣстоимость станка в 15.000 руб. заработная плата входит незначительною частью в 1597 руб., т. е. заработная плата составляет

всего 10,6% себѣстоимости. На заводѣ револьверных станков имени С. Орджоникидзе накладные расходы составляют 534% по отношенію к заработной платѣ.

На заводѣ «Калибр» себѣстоимость одного микрометра равняется 110 руб., из которых на накладные расходы приходится 82 руб. 65 к и лишь 27,35 руб. приходится на сырье и заработную плату.

На заводѣ «Станколит» в Москвѣ себѣстоимость чугуна равняется 88,33 руб., из которых на долю заработной платы приходится всего 6,2%.

С таким же явленіем мы встрѣчаемся и в области сельскаго хозяйства. И здѣсь накладные расходы, обусловленные бюрократической организаціей хозяйства, поглощают весьма значительную часть заработка или трудодней совѣтскаго крестьянина.

По данным совѣтской печати административные расходы поглощают в колхозах 10 - 15% валового дохода.

По совѣтской анкетѣ, произведенной в Сибири, государство и администрація забирают у крестьян 69% урожая и лишь 31% урожая остается у крестьян для них самих.

Мы приходим к неожиданным выводам: в совѣтском социалистическом производствѣ заработная плата и в промышленности, и в сельском хозяйствѣ составляет значительно меньшую долю себѣстоимости, чѣм в буржуазном хозяйствѣ, т. е., иначе говоря, в совѣтском государствѣ накладные расходы, в значительной степени обусловленные чудовищным разрастаніем бюрократіи, требуют и поглощают значительно большее количество «прибавочной цѣнности», вырабатываемой рабочим, чѣм в хозяйствѣ капиталистическом.

Это значит, что пропорціональная доля совѣтскаго рабочаго в вырабатываемой им цѣнности значительно ниже, чѣм пропорціональная доля его собрата в капиталистическом хозяйствѣ. На языкѣ марксистской экономики это означает, что процесс перехода от капиталистическаго хозяйства к совѣтскому для рабочаго означает *ростущее относительное обнищаніе*.

Марксовская теорія обнищанія рабочаго класса получила неожиданное воплощеніе в совѣтском хозяйствѣ по сравненію с хозяйством капиталистическим!

И притом, до сих пор мы говорили о себѣстоимости, а не о

продажной цѣнѣ товаров и продуктов. Извѣстно, что в совѣтском хозяйствѣ цѣны служат насосом для выкачиванія денег из населенія, и цѣны эти носят приказный характер, не будучи связаны с реальной себѣстоимостью. Цѣны назначаются государством с соціальной цѣлью искусственного перераспредѣленія національнаго дохода и с фискальною цѣлью перекачиванія народных средств в казну.

Продажныя цѣны во много раз превышают себѣстоимость, и поэтому доля заработной платы, незначительная и в отношеніи себѣстоимости, уже совершенно ничтожна в отношеніи продажных цѣн.

Совѣтское хозяйство упразднило капиталистов, но доля прибавочной цѣнности, которую отбирал у рабочих капиталист, оказалась значительно меньшей, чѣм доля прибавочной цѣнности, которую отбирает у них сейчас дорогое совѣтское правительство.

По расчетам извѣстнаго совѣтскаго экономиста С. Струмилина, совпадающим и с расчетами «буржуазных» экономистов, средняя норма прибыли капиталистов в дореволюціонном русском хозяйствѣ составляла 13%. В эти 13% входило не только личное потребленіе капиталистов, но и часть, которую они вновь вкладывали в расширеніе стараго или созданіе новаго производства.

В совѣтском же хозяйствѣ вмѣсто этих «снятых с народнаго тѣла паразитов», как выражается С. Струмилин, появилась огромная и быстро размножающаяся рать бюрократических элементов, которые с'ѣдают гораздо больше этих 13% и притом исключительно на личное потребленіе. За ними идет государственный аппарат, который снимает огромный процент народнаго дохода на государственныя нужды, на партійныя дѣла, на расточительное азартное строительство. В итогѣ получается, что в совѣтском хозяйствѣ доля, которую получает рабочий в видѣ заработной платы и крестьянин в видѣ трудовой, совершенно незначительна в общей суммѣ вырабатываемой ими цѣнности и значительно ниже, чѣм соответствующая доля рабочаго и крестьянина в капиталистических странах.

Так лозунг Ленина о дешевом правительствѣ по діалектикѣ Гегеля превратился, вмѣстѣ со многими его лозунгами, в свою противоположность.

П. Берлин.